

Игорь Иванович Акимушкин

Жил-был бобр

И. АКИМУШКИН

ЖИЛ-БЫЛ БОБР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА · 1987

Весна ранняя — апрель. Лёд на реках сошёл, а на озёрах ещё плавает посредине водной глади, пористый и мокрый. У самой

плотины, через которую из озера стекают вешние воды, возвышается какой-то странный бугорок.

Это домик бобровый, и в нём — семейные торжества: детишки народились! Целых пятеро. Только на свет явились, а уже видят всё вокруг. Бобрята рождаются зрячими, не то, что щенята или котята.

Уже через день-два из дома родного наружу вылезают. Посмотреть им хочется, что вокруг делается.

Бобрята даже плавать умеют! Совсем крошки, а плывут себе, не мёрзнут в холодной ещё воде. Они от роду густой шерстью от стужи укрыты.

Лето прошло — подросли бобрята. Учатся у родителей премудростям «инженерной» науки, которой владеют бобры.

Писатели и зоологи называют этих грызунов «инженерами». И не зря...

Возводить сложные постройки в обычае у бобров.

«Проект» первый — норы. Их роют, когда у водоёма берега высокие, обрывистые. Нору рыть бобры начинают под водой, а потом ведут её косо вверх. Поднимается она над уровнем воды, так что в «спальне», которой нора заканчивается, всегда сухо. А спальня нередко так велика, что два человека вполне могут в ней поместиться.

«Проект» второй — хатки из ветвей и ила, который склеивает их, как хороший цемент. Бобровые хатки возвышаются над водой метра на полтора-три, а ширина их — до десяти-двенадцати метров. Вход тоже под водой.

Хатки такие прочные, что, даже если лось взберётся на этот бобровый дом, он не сломается, не обрушится.

«Проект» третий — каналы. На болотистой местности в разные стороны от жилища бобров, если смотреть сверху, как лучи от солнца на детском рисунке, расходятся неширокие, неглубокие полоски воды. Это водные пути. По ним бобры сплавляют обрубки деревьев и ветки. Это ведь легче, чем тащить их по земле в зубах и лапах.

«Проект» четвёртый — плотины. Глазом всю постройку не окинешь. Высота бобровой плотины может быть больше четырёх метров, а длина — метров шестьсот!

Работая сообща, бобры сваливают посреди реки стволы деревьев, камни, ветки, ил, чтобы образовался островок. Потом по сторонам островка по направлению к берегам тоже складывают годный для запруды материал. Заплетают его ветками, обмазывают илом, глиной, подпирают кольями. Складывают и плетут... Пока не достигнут берега. Вода идёт вширь и вверх, переливается через край плотины, делает в ней промоины. Но упорны строители. Таскают, плетут, замазывают... Вот уже уровень воды перед плотиной поднялся, блистает спокойной гладью, а излишки воды выливаются по сооружённому бобрами из ветвей надёжному стоку. Его реке теперь не размыть.

Без воды семейство бобров погибнет. Вода защищает их от врагов. В воде им не так страшен волк, лисица или другой какой-нибудь хищник. Ходить быстро бобры не умеют, и любой зверь может их настигнуть.

Бобры одной семьи уживчивы, мирны, любят повеселиться, поиграть.

Едят бобры побеги, кору, листья. Особенно любят осину и иву, болотные травы — тростник, ирис, водяные лилии. На зиму запасают ветки под водой.

Для корма и строительства валят бобры деревья. Подгрызают их. Передние зубы — резцы — у них мощные: до двенадцати сантиметров длиной! Две-три минуты — и осинка толщиной в руку падает.

Но валят бобры и большие деревья — в полметра толщиной. На такую работу у них уходят часы, а то и вся ночь целиком.

Много ли на прокорм и постройки бобрам требуется деревьев? В Воронежском заповеднике учёные подсчитали, что один взрослый бобр тратит в год на свои нужды столько веток и обрубков стволов, что, если положить их в кучу, высотой, длиной и шириной будет она всего по два метра. Так что вред лесу от бобров небольшой. Но зато польза от них большая! Там, где бобры, — разливы рек широкие, воды много и засухи не бывает. Много водится здесь птиц и зверей разных.

В средние века в Европе бобра считали рыбой. Мясо его было лакомством. Особенно ценился любителями вкусно поест хвост бобровый.

Хвост у бобра плоский, сверху вниз словно сдавленный. Такой хвост — хороший руль и весло, когда бобр плывёт. Быстро плыть бобру помогают и задние лапы: между пальцами у них перепонки, как у лягушки или утки. А передние лапы без перепонки: перепонки ведь мешали бы бобру трудиться. Лапой с перепонкой трудно ветку схватить.

А ещё вот что интересно: на передних лапах у бобра мизинец действует, как большой палец у человека на руке, — он далеко отгибается от всех других пальцев. Бобр может лапой крепко хватать разные предметы и переносить их.

Внешность у зверя внушительная. В бобровой шубе ходит! Дорогая шуба, тёплая. Чтобы не намокала, смазана маслянистым веществом. После каждого купания бобр тщательно её чистит,

напомаживает и расчёсывает — раздвоенным когтем на задних лапах.

Из-за неё-то, из-за этой шубы, и выпала бобрам тяжёлая доля. Везде уничтожали их ради драгоценной шкуры.

У нас во всей стране лет пятьдесят назад оставалось не больше тысячи бобров.

Затем вышли строгие законы — запретили охоту на этих ценных животных. Уцелевших стали расселять и по другим пригодным для них местам, где раньше они водились, а потом все погибли.

И вот результат: сейчас в нашей стране несколько десятков тысяч бобров.

Живут бобры и в парке «Лосиный остров» — он частично лежит в пределах города Москвы. Сюда выпустили сначала всего семь бобров. Мало, казалось бы. Опасались, не погибнут ли здесь эти ценные звери. Но они хорошо прижились.

...Осень. Бесшумно падают с деревьев золотистые листья. Лес обнажается. Бобры заняты предзимними хлопотами — ремонтируют хатки, торопливо подгрызают ветки, тащат их, прячут под водой...

Там, где живут бобры, каждую весну широко разливаются реки и зеленеют леса.